

понимал как следует всю ценность „Слова“, он, нужно думать, увез бы, как драгоценнейшее сокровище, сборник, в котором содержалось „Слово“, из Москвы перед вступлением в нее французов и не допустил бы гибели рукописи.

Мы бессильны установить, с какой степенью точности мусин-пушкинское издание „Слова“ воспроизвело подлинный текст погибшей рукописи. Совершенно бесспорно, что в этом издании мы имеем несколько случаев неправильного разделения слов, причиной чего было недостаточное умение редакторов читать текст, написанный сплошным письмом, без отделения слов одно от другого. Так, тут напечатано: „Не лѣполи“, „луцѣжь“, „на переди“, „къ мети“, „по морію“, „по Сулію“, „небылонь“, „тояже“, „сице и“, „стугою“, „по скочи“, „вмоемъ“, „му жа имѣся“, „затвори въ Дунаю“. Очевидно, судя по правильному параллельному переводу первого издания, здесь, как и в других местах в тексте, дело не обошлось без грубых опечаток. Вообще корректура издания 1800 г., видимо, отличалась небрежностью.

Нужно думать, что в этом издании были и другие, более существенные ошибки и отступления от подлинника. Что касается Мусина-Пушкина, то он, дилетант и любитель, был чрезвычайно слаб в палеографии, плохо знал древне-русский язык и, как издатель, был весьма небрежен. О его палеографических и лингвистических данных можно судить хотя бы по тому, как он издал в 1793 г. „Почтение“ Владимира Мономаха. Издание это сопровождается очень хвалебной его рекомендацией: „Оное сочинение, под названіем Почтеніе, найдено в весьма древней летописи, написанной на пергамене, из котораго и выписано оно со всевозможною точностію, так что не только реченье, но ниже буква одна не проронена и не переменена“. Однако эта рекомендация не соответствует качеству издания, изобилующего разнообразными ошибками: перепутаны написания *ѣ* и *е*, *ы* и *и*, *у* и *ю*, в ряде случаев неправильно раскрыты титла, неправильно прочитаны многие слова („благовласнымъ“ вм. „благословеннымъ“, „обильно“ вм. „обило“, „день“ вм. „днесь“, „въ гробъ“ вм. „въ гробѣ“, „честны“ вм. „что ны“, „по Стугани“ вм. „по сту уганива [лъ]“, „дѣтехъ“ вм. „дѣдѣхъ“, „въ пѣсни и мѣсне“ вм. „пѣсній мѣсто“, „видѣхъ“ вм. „не видѣхъ“, „родился“ вм. „рядился“, „твой“ вм. „свой“ и мн. др.); немало тут ошибок и в разделении слов, что часто приводит к бессмыслице („то и“ вм. „той“, „къ мети“ вм. „къмети“, „даси ми словесы“ вм. „да сими словесы“, „дастѣмъ“ вм. „да с тѣмъ“, „въ метахъ“, „за утра“, „въ борзѣ“, „на лѣзохъ“ и др.).¹

В дальнейшем Мусин-Пушкин прибегнул к помощи А. Ф. Малиновского и Н. Н. Бантыша-Каменского. По свидетельствованию Калайдовича, „корректуру держали А. Ф. Малиновский, Н. Н. Бантыш-Каменский, а третью уже читал граф Пушкин. Они делали частые

¹ П. В. Владимиров. „Слово о полку Игореве“, вып. 1. Киев, 1894, стр. 16.